

Эмейд поначалу не поверил. Он даже заподозрил, что это лишь наваждение, рождённое его собственным желанием, чтобы спутник жизни оставался с ним как можно дольше. Возможно, прошло всего несколько лет — потому-то и не было заметно перемен.

Но правда заключалась в том, что дни, проведённые вместе, были слишком беззаботны и счастливы, и оттого всегда заставляли забывать о беге времени.

Каждое утро они вместе встречали восход, вместе садились за стол, разводили кур, уток, коров и овец, порой дожидались появления новой жизни, ожидая её с нетерпением, находя в этом и новизну, и забаву. Иногда случались сюрпризы: то застёжка для воротника, вырезанная из самоцвета, то лента для волос, собственноручно сплетённая Брандом. Его пальцы были необычайно ловки и всегда умели превратить в забавные и полезные вещи то, что Эмейд приносил со дна моря, не понимая, что это такое.

Жизнь вдвоём была тихой, тёплой. Пусть у него вечно было полно коварных замыслов, пусть на тренировках по фехтованию и зельеварению он порой казался слишком уж требовательным — всё это были прекрасные воспоминания, и лёгкая досада каждую ночь в объятиях тихо стиралась без следа.

Время летело слишком быстро. Эмейду казалось, что он лишь на мгновение прикрыл глаза — а прошло уже несколько десятилетий. Так быстро, что он начал тревожиться о том, что Бранд постареет, умрёт. Та внутренняя готовность, которую он когда-то в себе воспитал, в этом слишком стремительном потоке лет начала казаться недостаточной.

Но именно в этом потоке лет он окончательно убедился в тайне, которую хранил Бранд.

Тот, похоже, не старел, как обычный человек. Его годы были остановлены временем — не осталось ни малейшего следа.

Эмейд когда-то думал, не в зелье ли дело, но получил ответ: такого зелья нет, а если бы и было, то ценой стала бы продолжительность жизни.

Значит, дело было в нём самом. Бранд не удивился, принял это так спокойно, будто знал с самого начала.

И Эмейд вдруг понял смысл, стоявший за некоторыми его словами.

У них ещё очень много времени, чтобы провести его вместе. Так много, что прежде он и мечтать о таком не смел, а теперь это лежало перед ним, как неожиданный подарок.

«Я знаю. Тогда ты ворочался в моих объятиях и ночи напролёт смотрел на меня», — Сюй Юань, придерживая его за талию, и в глазах его отразилась необычайная нежность.

Он не следил за ним взглядом постоянно, но невозможно было не заметить, когда у спутника жизни такая буря чувств.

«Знал бы я тогда, что тебе нельзя говорить, я бы сразу всё выложил», — Эмейд, обнимая его за плечи, тихо вздохнул.

«Может, всё сложилось наилучшим образом», — усмехнулся Сюй Юань.

«Угу», — юноша в его объятиях не стал ни соглашаться, ни возражать, но, слегка согнув указательный палец, приподнял его подбородок и приблизился: «Тогда поговорим о нынешнем. Сколько же секретов ты прячешь за своими бесконечно долгими годами?»

Сюй Юань на миг замер. Встретив испытующий взгляд спутника, он немного подумал и усмехнулся:

«На самом деле то, что было очень давно, уже не помню. Время слишком длинное — оно стирает многое».

«Тогда ты...» — Эмейд приоткрыл губы, но продолжения не последовало.

«Что?» — спросил Сюй Юань.

«Ничего», — Эмейд проглотил слова, уже готовые сорваться с языка, и спросил: «Куда именно в королевстве Лора мы направляемся на этот раз?»

О бессмертии на самом деле было много вопросов. Например, что он пережил прежде, откуда пришёл, он говорит, что он человек, — так как же он стал таким? Всё, что было у него когда-то.

Когда-то Эмейду казалось, что это прошлое должно быть неглубоким: за оставшуюся жизнь всегда можно узнать о нём всё. Но теперь он обнаружил, что оно бездонно. Человек, проживший бесчисленные годы, непременно обладает огромным опытом — потому-то он и смог направить Кэрол, помочь ей найти собственный путь. Потому-то он и знает всё. Потому-то и говорит, что любовь не так уж важна.

В его бесконечно долгой жизни она, как ни считай, не занимает много места.

И это заставляло Эмейда задуматься: что же Бранду в нём нравится? Он всего лишь обычная русалка в море. Пусть он и тосковал по людям, пусть и добивался своего спутника.

Но за долгую жизнь Бранда наверняка был не один человек, столь же преданно его любивший.

«Пока не уверен», — Сюй Юань получил лишь молитву из королевства Лора. Время — будущее, место — должно быть, где-то возле столицы, но точное место ещё нужно определить.

Он посмотрел на задумчивые глаза юноши, легонько обхватил его за затылок, прижался лбом и усмехнулся:

«На вопрос, который ты задаёшь, не всегда можно получить ответ. Но если не спрашивать, останется только самому строить догадки».

Изумрудные глаза легонько приподнялись, руки снова обвили его плечи, и он с некоторым облегчением произнёс:

«Почему я тебе нравлюсь?»

Взгляд Сюй Юаня дрогнул. Слегка поглаживая его затылок, он усмехнулся:

«Разве я не говорил тебе, когда признавался?»

Человеческое тепло, чуть более высокое, чем у него, непрерывно растекалось от затылка к самому сердцу. Эмейд легонько прикусил губу, подавив это волнение:

«Но ведь прежде тебе наверняка встречались люди с таким же характером».

«Внешне похожие характеры — дело обычное, но души у всех разные», — задумчиво усмехнулся Сюй Юань. «Каждый человек не похож на другого, как в мире нет двух совершенно одинаковых листьев. Похожесть не значит тождество. Может, у другого и та же страстность, но стоит хоть чуть отклониться — и это уже не то. Для меня ты единственный».

«Если...» — сердце Эмейда горело, будто зажжённое. Встретив нежность, разлившуюся в этих глазах, он обнял его за шею, уткнулся лицом в его грудь и усмехнулся: «Нет никаких „если“».

Если бы другой оказался точно таким же — но не бывает точно такого же. Похожесть не значит тождество. Они просто встретились, просто полюбили друг друга. Рассуждать через «если» — так можно придумать слишком много «если».

Если бы они не встретились. Если бы он не пошёл его искать и не нашёл. Если бы другой мог так же, как солнце, войти в его сердце. Если бы ему встретился не Бранд, а кто-то другой. Если бы это был кто-то, похожий на Бранда...

Единственный.

То, что у него было, — лучшее. Он вместе с любимым человеком. Он любит его — и тот любит его в ответ. Отвечает на его чувства, нежно целует и обнимает, смотрит на него ласковым взглядом, спит с ним в обнимку.

Говорит: «Я тебя люблю».

Золотые глаза дрогнули, и, легко обхватив его за затылок, он нежно поцеловал его в губы.

А ведь они были вместе уже давно, но каждый поцелуй всё ещё заставлял сердце Эмейда трепетать.

Что до людской «семилетней чесотки», когда держаться за руки — всё равно что трогать собственную руку, — такого просто не могло быть.

Тепло Бранда всегда легко зажигало огонь в его сердце.

«А у нас будет семидесятилетняя чесотка?» — когда поцелуй прервался, русалка всё же с лёгкой тревогой спросил.

Сюй Юань немного подумал и усмехнулся:

«Не знаю».

Ему тоже ещё не доводилось быть с одним человеком так долго.

Эмейд слегка сжал губы, и эта лёгкая тревога начала было разрастаться, как вдруг он почувствовал нежный поцелуй у шеи. Его пальцы слегка сжались, а когда мир перевернулся, он встретил глубокий поцелуй и ответ:

«Но сейчас её нет».

Сердце Эмейда дрогнуло, и он утонул в этом близком поцелуе.

Ах, да чёрт с ним. Кто может сказать, каким будет будущее.

Владыка морских просторов всегда был широк в душе и больше всего не любил попусту тревожиться.

.....

Солнце закатилось. В пустой ночной мгле одинокая свеча, словно маяк в открытом море, надёжно освещала свой уголок мира.

Свет свечи не был резким, а прикрытый опущенной занавесью и вовсе оставался незамеченным для юноши, глубоко утонувшего в постели. Прекрасные рыжие волосы рассыпались, красивые, благородные черты лица чуть скрывались в тени. Когда тёплая ладонь скользнула по его щеке, дыхание спящего не изменилось, но, казалось, даже во сне он подсознательно тянулся к этому теплу.

Взгляд Сюй Юаня дрогнул. Он убрал прядь волос, упавшую на щёку, чуть приподнялся на подушке, наклонился и оставил поцелуй на слегка разжумившейся щеке, затем убрал под одеяло руку, прохладную по сравнению с человеческим телом.

Полотенце, опущенное в таз, он выстирал и повесил рядом. Сюй Юань посмотрел на прыгающий огонёк свечи, но не погасил его, а просто лёг в постель и привлёк спящего в объятия.

Возможно, оттого, что они слишком долго спали обнявшись, даже в глубоком сне юноша в его объятиях сам находил удобное для себя положение.

Семилетняя чесотка?

На самом деле Сюй Юань тоже размышлял об этом. Если мерить человеческой жизнью, семь лет — срок весьма долгий, он может занять даже десятую часть жизни. Когда спутник становится привычкой, страсть угасает, любовь стирается — появление проблем, пожалуй, вполне объяснимо.

А им с Эмейдом предстояло быть вместе куда дольше, чем людям. Если исключить двадцать лет до встречи, они могли провести вместе почти триста лет.

Триста лет — срок довольно долгий. За него можно пережить целую династию, стать свидетелем продолжения и смерти бесчисленных людей.

Сколько может продержаться привязанность — Сюй Юань и сам не был уверен. Людская семилетняя чесотка у него, может, и не случится, а может, отодвинется до срока, который по человеческим меркам покажется ещё более долгим, — этого он не знал.

Любовь кажется вечной, но люди обычно любят её пылкость. Те, кто когда-то был готов умереть друг за друга, порой не выдерживают последующей спокойной, как вода, обыденности.

Как та, что обратилась с нынешней молитвой.

Быть вместе — не финал. Быть вместе — это и есть настоящее начало отношений, проверка

двух людей на совместимость взглядов, характеров, глубины, души...

«Бранд...» — пробормотал в полусне человек в его объятиях.

«Я здесь», — глядя на дрогнувшие ресницы, тихо спросил Сюй Юань. «Что мне сделать?»

«...Светись...» — еле слышно, неразборчиво.

Сюй Юань невольно усмехнулся и тихо спросил:

«Что же тебе снится?»

«Угу». Спящая русалка не ответила. Сюй Юань перевёл взгляд на свечу у изголовья, загасил её и снова лёг, усмехнувшись: «Всё, свет погас».

Ночь была прохладной, и тело русалки тоже было чуть прохладным. Но даже после долгой разлуки с берегом, после ухода в глубь материка в его волосах, казалось, всё ещё витал свежий, просторный запах моря.

Будущее и вправду неизвестно, и им ещё предстояло столкнуться с неведомыми испытаниями. Но прежде и сейчас спящий в его объятиях человек прочно жил в его сердце, и это заставляло желать провести с ним ещё больше времени.

.....

Время шло, на этом континенте по-прежнему стояли друг подле друга множество королевств. Но бывшие невзгоды унесли слишком много рабочих рук. Промышленность и капитал шли вверх, традиционная помещичья экономика под мощным ударом приходила в упадок.

Рабочих рук не хватало — жалованье, естественно, росло. Общество пребывало в потрясении, и традиционная знать утратила прежнюю священную высоту. Конечно, те знатные роды, что сумели накопить состояние и продолжиться, всё ещё могли вести богатую жизнь. Королевский дом тоже оставался славен, ибо владел армией. Но армию тоже нужно нанимать и оплачивать, и никто не знал, до каких пор продлится эта слава.

В сравнении с ними жизнь богатых стала куда лучше, чем прежде. Их существование всегда тянуло за собой экономику страны, а налоги, что они платили, становились одной из главных статей королевского дохода. Они расширяли капитал и вместе с тем получали право арендовать земли и строить фабрики.

Даже королевство Лора, когда-то прославленное укрощением боевых орлов, похоже, не могло избежать этой участи.

Оно сильно отличалось от того, каким Сюй Юань увидел его впервые, — не только одеждой и постройками, но и фабриками, раскинувшимися вокруг столицы. Там трудилось множество ткачей, бесконечные мотки шёлка-сырца ввозились, бесконечные шёлковые ткани вывозились, чтобы потом превратиться в роскошные наряды.

«Помню, раньше одежда была больше серой, белой и чёрной», — Эмейд, проезжая верхом, смотрел на розовую ткань, которую перевозили внутри.

«Цвета стали ярче и красивее», — усмехнулся Сюй Юань.

«Люди развиваются так быстро», — с чувством произнёс Эмейд, чуть натянул поводья, догоняя, и всмотрелся в дорогу, скрытую впереди деревьями. «Кажется, скоро столица. Где мы будем искать того, кто тебе нужен?»

«Не уверен», — глядя на близкую уже величественную столицу, сказал Сюй Юань.

«А какие у него приметы?» — спросил Эмейд.

«Девушка, очень красивая», — подумав, сказал Сюй Юань. «Имени не знаю».

Временная линия была неопределённой. Девушка, оставившая молитву, получила имя «Золушка» лишь после того, как появилась мачеха, так что трудно было сказать, зовут ли её так.

Эмейд смотрел на него, ожидая продолжения, и, не услышав его через некоторое время, спросил:

«Всё?»

«Всё», — беспомощно усмехнулся Сюй Юань.

О прочих мировых линиях говорить было нельзя. Только приметы входили в круг того, что можно было разузнавать.

«Угу». Взгляд Эмейда дрогнул. Слегка сжав бока лошади, он приподнял бровь: «Тот, кто поручил тебе это, точно не хочет тебя помучить?»

«Конечно нет. Я делаю это непременно по собственной воле», — усмехнулся Сюй Юань.

Эмейд на миг замер, а затем, подумав о Кэрол, в изумрудных глазах его появилась улыбка:

«Ладно, я помогу тебе искать».

Если бы Бранд тогда не решил помочь, он не мог представить, каким был бы конец Кэрол. Может, она и поняла бы всё, но ценой стала бы её жизнь.

А не как сейчас: в Бароне сменился король, а Кэрол по-прежнему благополучно продолжает своё весьма интересное путешествие.

Так что даже если кажется, что это трудно, — если есть желание делать, всегда можно встретить.

Взгляд Суй Юаня смягчился, и он усмехнулся:

«Тогда нам придётся обосноваться здесь на некоторое время. Можешь выбрать место для жилья».

«Хорошо», — Эмейд натянул поводья, приподнял уголки губ, сжал бока лошади: «Поехали!»

Конь ускорился, стук копыт зазвучал по дороге, широкие полы одежды развевались, а прекрасное перо на шляпе трепетало на ветру. Суй Юань сжал хлыст, легонько хлестнул и последовал за ним.

.....

Весна сияла, всё пробуждалось. Даже королевство Лора, лежащее на севере в глубине материка, погрузилось в картину пышного процветания.

Как когда-то весьма могущественное королевство, оно, конечно, сохранило свою основу: величественная столица, широкие дороги, густые леса и рощи, пышно цветущие травы, спешащие туда и сюда кареты. Хотя по обочинам дорог всё ещё неизбежно встречались бродячие нищие, их было куда меньше, чем в других столицах.

При господстве арендной системы даже без благородной крови в жилах, имея лишь деньги, можно было подобрать себе вполне приличное жильё.

Двухэтажный дом с двором, вокруг дома — деревья, усыпанные прелестными абрикосовыми цветами. Двор рядом с домом был очень просторным: похоже, когда-то в нём что-то разводили, остался довольно ветхий деревянный сарайчик. Трава сочная, ручей протекает. Даже если там пустить коня рысью по кругу — места вполне хватило бы.

«Девушка, которую ты ищешь, бедная или богатая?» — Эмейд отвёл коня на ту лужайку, снял уздечку, потрепал его по шерсти и спросил: «Об этом можно сказать?»

Сюй Юань беспомощно ответил:

«Не уверен».

Он не знал, обижают ли ту девушку сейчас. Может, она ещё носит красивые платья, и мать её любит. Если так, возможно, он мог бы заглянуть и посмотреть, можно ли вылечить её болезнь, — тогда дело можно было бы пресечь в самом корне. Но если нет — ей предстояло вступить в лютую зиму жизни. В любом случае нужно было найти её как можно скорее.

Эмейд посмотрел на него, легонько постучал пальцем, задумавшись:

«Тогда даже если мы найдём в королевском архиве списки жителей, боюсь, всё равно не сможем её отыскать».

«Её семья очень богата», — немного подумав, сказал Сюй Юань.

«Тогда ты говоришь...» — Эмейд запнулся, встретил его взгляд, и в глазах его на миг мелькнуло понимание. «Тогда круг поисков можно сильно сузить».

Семья богата, а сама она — неизвестно.

Хотя люди уже не пытались запрещать женщинам выходить из дома и не возводили на них напрасно обвинения в ведьмовстве, девушке, которую обижают, всё ещё трудно противостоять многому.

Он не знал, откуда Бранд знает всё это, но сделать это и вправду было необходимо.

«Да. Часть списков жителей можно получить в гильдии, остальные сведения ещё нужно собрать», — сказал Сюй Юань.

«Получить списки можешь поручить мне», — Эмейд очищал траву с конской спины. «А когда мы её найдём, нам нужно будет её выкрасть?»

Сюй Юань, проверявший изгородь, на миг замер, посмотрел на юношу, который, слегка опершись на конскую спину, глядел на него, и беспомощно усмехнулся:

«Похищать девушек противозаконно».

«По сравнению с жизнью в месте, где её обижают, может, она предпочла бы более свободную и уютную жизнь», — сказал Эмейд.

«Но с её точки зрения мы всего лишь чужие», — сказал Сюй Юань.

«Похоже, нам и вправду придётся задержаться здесь на некоторое время», — Эмейд отказался от прежней мысли и снова принялся расчёсывать коню гриву.

Он предпочитал решать проблемы просто и грубо, но для того, чтобы сделать дело, нужно было продумать многое.

Как в истории о девушке с салатом, которую Бранд когда-то рассказывал: сначала у неё не было и мысли выйти из башни, а потом появилась смелость это сделать. Но даже если бы и не появилась — это не было бы её виной.

Человека, запертого с детства, очень трудно вывести из клетки, что его связывает. Потому нужно дать ему ориентир и выбор.

Но люди обычно с трудом доверяют незнакомцам. И неизвестно ещё, что именно ей довелось пережить.

.....

Столица королевства Лора была очень красива. Даже стоя на улице, можно было увидеть пышные рощи. В раскрытых повсюду садах прямо с улицы были видны цветы. Приход весны выманил людей из домов — может, потому, что она стёрла белизну зимы и мир обрёл краски, а может, потому, что стало теплее, и те, кто зимой мог лишь прятаться у камина, наконец смогли выйти из тёплых комнат и размять кости.

Оттого помимо зелёных листьев и красных цветов яркой приметой весны стала и одежда, расшитая всевозможными узорами.

Женские юбки, золочёные оттенки и красный бархат на мужчинах, шляпы с перьями всех цветов, затмевающими даже цветы.

«Взгляните на новый кинжал, что я достал...»

«По-моему, у ружья дальность всё же больше. Даже орла с неба сбить — не проблема».

«Взгляните на это жемчужное украшение, как вам?»

«Прелестно. Но я бы выпил кофе».

«Такой напиток может испортить твоё платье».

«Не беда, у меня их много...»

Они оживлённо обсуждали своё, и весенняя встреча выходила весьма шумной. Но когда чей-то взгляд надолго задерживался где-то в стороне, это привлекало внимание и других.

Цветы пышно цвели. Юноша ехал верхом. Даже если на нём была всего лишь простая, лёгкая одежда с широкими рукавами, а лицо то и дело чуть заслоняли докучливые ветви, изящная, стройная фигура и прекрасный профиль, мелькавший среди ветвей, были способны в одно мгновение отнять внимание у всех — оно прилипало к нему, как клей.

И этот прямой, пристальный взгляд, похоже, наконец привлёк толику внимания всадника. На быстром ходу он скользнул взглядом изумрудных глаз — в этом свете не было никаких чувств, но, казалось, он обладал силой заставить все сердца сжаться.

Но он лишь бросил этот мимолётный, будто небрежный взгляд и, словно потеряв интерес, отвёл глаза. Конь не остановился. Лишь когда рыжие волосы вместе с быстро скачущим конём скрылись далеко вдаль, некоторые едва смогли отвести взгляд.

«Кто это?»

«Кажется, я никогда не видел его в столице».

«Он унёс моё сердце».

«Как хотелось бы увидеть его снова».

«Он принц какой-то страны?»

«Не знаю».

Внешность Эмейда, несомненно, привлекала внимание. Даже в столице, даже в гильдии — тоже. Но для него самого лучше уж было... чем надевать ради избавления от этих взглядов тяжёлый капюшон.

«Здравствуйте, что вам угодно?» — служащий гильдии, увидев, как тот стремительно спрыгнул с коня и в несколько шагов вошёл, ослепительный юноша, осторожно спросил.

«Списки жителей», — столь же коротко ответил юноша.

«Э-э...» — служащий на миг замялся.

«Это трудно устроить?» — юноша небрежно поднял взгляд. Уголки губ его были приподняты, но ничего особенно дружелюбного в этом не читалось.

«О, нет, нетрудно. Подождите минуту», — служащий осторожно и почтительно повернулся. Пусть он и не знал этого юношу, но оскорблять человека, столь явно знатного и богатого, он решительно не хотел.

Списки поспешно принесли и пододвинули. Юноша скользнул по ним взглядом, взял и, поворачиваясь, щёлкнул пальцами — раздался чистый звон. Служащий машинально поймал, увидел в ладони золотой и распахнул глаза. Подняв взгляд, он увидел лишь, как ослепительный юноша выходит и садится на коня.

Эта прекрасная фигура притягивала взгляды всех, но его глаза были устремлены лишь на коня. Он с усмешкой потрепал своего товарища и столь же решительно погнал его прочь, нимало не заботясь о привязанных, неохотно провожающих его взглядах.

«Думаю, он заставит всех себя полюбить», — служащий бережно убрал золотой и вздохнул.

«Дружище, ты только что от него слова вымолвить не мог», — подшутил кто-то рядом.

«Тебе не понять удара, когда видишь вблизи такое красивое лицо. И нет, я не гомосексуал...»

От автора:

Краткое содержание:

История Золушки: мать девушки умерла зимой и перед смертью велела ей быть доброй — Бог её защитит. Весной отец женился снова, привёл жену с двумя красивыми сестрицами — да, именно сестрицами.

Две дочери отбирали у неё платья, прогнали её на кухню делать всякую работу, а ещё высыпали вместе в золу чечевицу и горох, чтобы она их выбирала. Жила она тоже в золе у очага, и звали её Золушка — в переводе «Синдерелла».

Однажды отец поехал на ярмарку и спросил, что им привезти. Две сестрицы попросили драгоценности и красивые платья, а Золушка — веточку, что заденет его шляпу. Она воткнула её на могиле матери, и та выросла в орешник.

Трижды в день Золушка плакала и молилась под деревом, и каждый раз на него слетала белая птица — что попросишь, то и даст.

Потом король устроил бал, чтобы выбрать сыну жену. Все красивые девушки страны могли

прийти. Мачеха не пустила её, велела перебрать горох. Она позвала птиц на помощь, перебрала дважды, но мачеха всё равно не пустила — мол, нет платья. Тогда она попросила у птички роскошное бальное платье из золотых и серебряных нитей. Все решили, что она иностранная принцесса, мачеха не узнала, и принц танцевал с ней.

Потом она убежала в собственный голубятник. Принц велел отцу искать, и отец подумал: «Уж не Золушка ли это?» — и разнёс голубятник.

Золушка вернула платье.

Три дня бала. На второй день она спряталась на своей груше. Отец подумал: «Уж не Золушка ли это?» — и велел срубить дерево.

На третий день принц поумнел: намазал ступени смолой, и её золотая туфелька прилипла. Потом принц принёс туфельку в дом Золушки и сказал: чья дочь её наденет — ту и возьмёт в жёны.

Старшая дочь отрезала себе палец на ноге, принц было подумал, что это она, но голубь на орешнике сказал: нет. Вернулись. Вторая отрезала себе пятку, принц снова подумал, что это она, но голубь снова сказал: нет. Вернулись.

Тут надели туфельку на Золушку. Принц внимательно посмотрел ей в лицо и сказал, что это она. Сыграли свадьбу, а два голубя выклевали по одному глазу каждой из сестёр.

<http://bllate.org/book/18299/2272204>